

держку этого тезиса он ссылается на Юстинианово законодательство и каноны вселенских и поместных соборов (там же). Более чем сомнительно, однако, чтобы перевод “Эклоги”, светского свода, хотя и перевод несколько вольный и с добавлением альтернативных церковных наказаний (епитимий), относился к той деятельности, которой каноны, упоминаемые Максимовичем, предписывают заниматься исключительно епископам и соборам. Кроме того, альтернативные церковные наказания, добавленные в славянском переводе, по-видимому, следовали уже существующей епитимийной традиции. В большой степени это подтверждает и сам Максимович, который для половины этих наказаний (для четырех из восьми) находит аналоги в канонах св. Василия Великого. Как перевод “Эклоги”, так и его дополнение уже установившимися, традиционными епитимиями мог выполнить и простой монах (скорее всего, с благословения своего епископа или игумена). Многие виды юридической деятельности в церкви – а именно составление сводов, комментирование и редактирование правил – не были привилегией исключительно епископов. Достаточно припомнить имена Никона Черногорца, Зонары и Властаря – монахов, не принадлежавших к высшей церковной иерархии. Доводы Максимовича (с. 54) свидетельствуют об авторе “Закона судного” как о церковном интеллектуале, хорошо знакомом с византийским правом, но ни один из них не доказывает неперменной принадлежности переводчика к епископату.

Два данных возражения приведены не для того, чтобы оспорить предположение об авторстве Мефодия: сделать это после исследования Максимовича будет не просто. Его спорные аргументы, по-видимому, вызваны объяснимым желанием максимально развить свою гипотезу и сократить дистанцию, неизбежно сохраняющуюся по причине скудости данных, между анонимным переводчиком и славянским первоучителем Мефодием.

Хочется упомянуть еще и ценное приложение книги Максимовича – подробное историко-лингвистическое описание Устюжской кормчей (XIII–XIV вв.), одной из древнейших рукописей, где сохранился список “Закона судного”, и одной из двух рукописей, где до нас дошел “Номоканон Мефодия”. Это описание может стать основой для сравнения со второй рукописью “Номоканона”, Иосафовской, и для изучения юридического сборника, в состав которого вошел “Номоканон”. Такое исследование помогло бы проверить выдвинутую еще В.Н. Бенешевичем² и позже поддержанную Я.Н. Шаповым³ гипотезу о том, что сокращение “Номоканона” есть дело рук позднего редактора, а сам Мефодий переводил свой греческий оригинал, “Синагогу” Иоанна Схоластика, целиком.

В заключение я отмечу еще одну приятную черту монографии. Книга хорошо структурирована, написана, если так позволительно сказать, “в хорошем ритме” и, несмотря на, казалось бы, предельно сухую лингвистическую и историко-юридическую проблематику, не “занаученным”, но ясным и легко читаемым языком.

Богатая новыми сведениями книга Максимовича – лучшая на сегодняшний день работа о “Законе судном”. Нетрудно предсказать, что она станет и одним из самых цитируемых исследований по истории переводной и юридической литературы православных славян. Для многих заключений Максимовича характерна свежесть взгляда, весьма редкая, когда речь идет о предмете, столь “исписанном”, как кирилло-мефодиевские тексты. Опыт комплексного исследования, предпринятого автором, должен служить образцом для изучения переводных юридических памятников. Мимо выводов и методов автора пройти нельзя, и они, без сомнения, вызовут интерес у специалистов.

В. Александров

Бу б а л о Ъ. Српски номици. Београд: Византолошки институт САНУ, 2004. 306 с., 12 фотогр.

В последнее время в европейской науке все большее внимание уделяется истории делопроизводства и правовых документов. Можно сказать, что византийская дипломатика после

² Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права Греко-Восточной церкви. СПб., 1914. С. 211–212; *Он же*. Миражи в истории Древней Руси и южных славян // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 249–251.

³ Шапов Я.Н. “Номоканон” Мефодия в Великой Моравии и на Руси // Великая Моравия... С. 243–248.

введения в научный оборот большого количества актов византийского периода вышла на новый уровень исследований. Предметом изучения становится сам институт производства юридических актов, корпорация нотариев. Следует указать прежде всего на работу И.П. Медведева, посвященную византийскому частноправовому акту, в которой автор останавливается также на проблеме происхождения нотариата в Византии и его месте в системе делопроизводства¹. Недавно появилось новое исследование византийского нотариата IX–XV вв.² Книга Дж. Бубало в этом отношении является вполне логическим продолжением этих исследований, поскольку впервые рассматривает становление и развитие этого института в средневековой Сербии. Актуальность ее не вызывает сомнений.

Монография состоит из двух больших частей. В первой части исследователь ставит вопрос о происхождении сербского нотариата, о правовом и социальном положении нотариев, об организации процесса делопроизводства в Сербии. Особая глава посвящена отдельным представителям сербского нотариата. Обращает на себя внимание тот факт, что исследователь активно использует не только законодательство сербских королей и царей, но и материалы частноправовой документации, в которой могут находиться сведения о нотариях, заверяющих сделки.

В целом можно считать убедительной точку зрения Дж. Бубало, что институт нотариата в средневековой Сербии возник под влиянием аналогичного византийского института, а также Дубровника, где письменное оформление сделок имело давнюю традицию. Структурно он оформился в правление краля Милутина, и получил окончательный вид в XIV в. в период законодательной деятельности царя Стефана Душана. При этом автор определяет источники законов о нотариате – это византийское гражданское законодательство, Прохирон и Законы Юстиниана, а также церковное право, систематизированное в XIV в. Матфеем Властарем. Конечно же, законодательство Стефана в области нотариата отвечало потребностям сербской администрации на местах, а также потребностям сложившихся общественных связей. Характерной чертой сербского нотариата становится то обстоятельство, что нотариусы чаще выходили из среды церковнослужителей и монашества и были связаны с теми или иными церковными общинами.

Основываясь на анализе сербского законодательства XIV–XV вв. и частноправовой документации, Дж. Бубало делает вывод о распространенности нотариата в Сербии этого периода. В целом это было связано, по его мнению, с развитием письменного оформления сделок. Рассматривая материал сербских актов, исследователь останавливается на отдельных представителях нотариата, на их социальном положении.

Вторая часть монографии сербского ученого посвящена организации самого процесса делопроизводства в средневековой Сербии, месту нотариата в судебной системе. Автор рассматривает отдельные частные акты, вышедшие из под пера того или иного нотариуса, рассматривает их с точки зрения палеографии (изучается текст, материал письма, язык, на котором написан документ). Отдельно исследуются формуляры сербских актов и на основе них создается тип условного формуляра. Дж. Бубало приходит к вполне убедительному выводу о том, что этот формуляр в целом соответствует византийскому стандарту³. Касаясь важного вопроса авторитетности свидетельских показаний, исследователь приходит к выводу, что в качестве свидетелей часто выступают случайные лица, что, по-видимому, говорит о незрелости самого института сербского нотариата. В этом отношении также можно сослаться на византийский образец. В то же время в Западной Европе, наоборот, в XII в. статус нотариуса и авторитет нотариально заверенного акта повышается настолько, что институт сторонних свидетелей отмирает⁴. Все же следует заметить, что как в Византии, так и в Сербии больше всего доверяли свидетельским показаниям знатных лиц и представителей духовенства.

Наконец, отдельная глава монографии посвящена такому важному вопросу, как правовая ценность юридического акта. Исследователь приходит к выводу, что как в Византии XIV–XV вв., так и в Сербии этого периода в судопроизводстве чаще доверяли пра-

¹ Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. С. 100–181; Он же. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 255–402.

² Saradi H. La notariat byzantin du IXe – XVe siècle. Athènes, 1991.

³ См. Вернадский Г.В. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. / Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 35–43; Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики... С. 57–98.

⁴ Медведев И.П. Правовая культура... С. 393.

вильно оформленному документу, составленному нотарием, а не устным свидетельским показаниям.

В приложениях к своему труду Дж. Бубало публикует ряд сербских частнопровых актов с их критикой с точки зрения дипломатики, а также фотографии оригиналов актов. В целом монография сербского исследователя являет собой оригинальный труд, который начинается исследования сербского нотариата.

М.А. Морозов

Δ ε λ κ ά ρ η 'Α. Ἁγιος Γρηγόριος ὁ Σιναΐτης. Ἡ δράση καὶ ἡ συμβολὴ τοῦ στὴ διάδοσιν τοῦ ἡσυχασμοῦ στὰ Βαλκάνια. University Studio Press. Θεσσαλονίκη, 2004. 372 σ. (= Ἑλληνισμὸς καὶ κόσμος τῶν Σλάβων, 6).

Новая работа молодой греческой исследовательницы Ангелики Деликари¹ посвящена жизни и деятельности св. Григория Синаита (ок. 1265 г. – после 1341 г.). Монография включает в себя предисловие издателя (А.-Э.Н. Тахиаоса), предисловие автора, 5 глав, приложение, библиографию, резюме на немецком языке и указатели имен.

Глава I (с. 29–63) посвящена жизни и трудам выдающегося духовного деятеля поздней Византии, ученика и биографа св. Григория Синаита, Константинопольского патриарха Каллиста I (годы патриаршества 1350–1353, 1355–1363). Автор мотивирует постановку на первое место главы о Каллисте необходимостью решить источниковедческие вопросы – прежде всего вопрос о месте и времени написания жития св. Григория (с. 10). Попутно автор решает и другие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью патриарха Каллиста I – в частности уточняет дату его смерти (лето 1363 г.) (с. 40–41, примеч. 33).

В главе II (с. 65–145) описана жизнь св. Григория Синаита – прежде всего его деятельность как основателя монастырей, духовного учителя, подвижника и богослова. Основная цель главы – показать роль и место св. Григория в распространении на Балканах особого богословского и аскетического течения в православном христианстве – *исихазма*². При этом ставилась задача не столько рассмотреть во всех подробностях особенности аскетической доктрины св. Григория (относительно неплохо изученные наукой), сколько описать исторические условия его деятельности в один из самых сложных периодов истории Балкан (с. 11–12). Автор делает экскурс в историю исихастского движения, которое, по мнению А. Деликари, ведет свое начало с IV в. и достигает наивысшего развития в фигурах Григория Синаита и Григория Паламы. Прослеживается влияние византийского исихазма в болгарских и сербских землях, а также в России, Молдавии и Валахии. Особую роль в деле распространения исихазма среди славян автор отводит монашеской общине области Парория (Παρόρια), в которой жил и творил Григорий Синаит в последнее десятилетие своей жизни.

Глава III (с. 147–195) посвящена до сих пор нерешенной проблеме локализации области Парория. Автор рассматривает предшествующую традицию изучения этой проблемы, анализирует исторические источники, предлагает новые подходы и решения.

В главе IV (с. 197–215) исследуется рукописная традиция славянского перевода жития Григория Синаита и впервые предлагается полный перечень известных на сегодняшний день славянских рукописей. Установлен самый древний славянский список жития – Афон. Зограф. 214. В главе рассмотрены также известные греческие рукописи жития³.

Глава V (с. 217–268) представляет собой издание древнейшей славянской рукописи ЖГС. Любопытный эксперимент представляет собой обратный перевод со славянского на древнегреческий двух фрагментов, не представленных в оригинале ЖГС (точнее, в его доступных версиях).

¹ Ее первая книга вышла в 1997 г., ср.: *Delikari A. Der Hl. Klemens und die Frage des Bistums von Velitza. Identifizierung, Bischofsliste (bis 1767) und Titularbischöfe.* Thessaloniki, 1997.

² В исходном греч. ἡσυχασμὸς представлен целый спектр аскетических значений – “молитвенная сосредоточенность; внутреннее упокоение; созерцание; умиротворенность духа” и т.п.

³ Критическое издание греческого текста жития Григория Синаита, по данным автора, готовит Х.-В. Байер (H.-V. Beyrer).